

добныя уклоненія отъ христіанскаго долга вредно отражаются на жизни и направленіи подростяющаго поколѣнія. Это послѣднее научается слѣдовать правилу: все и всегда позволительно.

Говоря о молодомъ поколѣніи, нельзя пройти молчаніемъ школы, въ которой оно получаетъ образованіе и воспитаніе. Это — могущественная сила, которая, при благоприятныхъ условіяхъ, не только развиваетъ умственно, но и воспитываетъ нравственно и образуетъ характеръ и направленіе. Благодареніе Господу, наша школа имѣетъ христіанскій обликъ и призвана къ воспитанію въ русскомъ духѣ. Но, къ сожалѣнію, уже давно общество не обнаруживаетъ особеннаго сочувствія къ школѣ и мало оказываетъ содѣйствія въ важномъ дѣлѣ воспитанія. Напротивъ, нерѣдко слышится рѣзкое осужденіе направленія школы и часто заявляется желаніе и требованіе, чтобы въ школѣ меньше учили, меньше требовали знанія и больше оказывали спускожденія и даже потворства лѣности и раснущенности. Можетъ ли школа при такомъ отношеніи къ ней достигать высокиихъ цѣлей истиннаго образованія и правильнаго воспитанія?

Не для обличенія и укоризны говоримъ мы сіе, возлюбленные братіе, а въ видахъ общей пользы и желанія «тихаго и безмятежнаго житія». Царственный голосъ, всѣмъ намъ родной, всѣмъ намъ дорогой, желаетъ и требуетъ «благотворнаго вліянія родителей и близкихъ на молодежь». Откланемся на него со всею охотою и усердіемъ. Намъ вѣдомы причины зла, и мы больше, чѣмъ юные, можемъ противодействовать ему. Прежде всего устранимъ изъ жизни своей все, что въ ней образовалось въ ущербъ истиннаго христіанскаго разумѣнія и истиннаго христіанскаго поведенія, и дадимъ своимъ дѣтамъ добрый и спасительный

примѣръ правильнаго отношенія къ церкви Божіей, власти предержавшей и отечеству. Мы, православные христіане града, именуемаго святымъ, особенное побужденіе имѣемъ стоять на стражѣ истинной вѣры, закона, долга и порядка, потому что съ нашимъ градомъ духовно соприкосновенна вся православная Русь.

Пусть же нашъ градъ будетъ для всѣхъ русскихъ градовъ и весей примѣрнымъ по твердости вѣры живущихъ въ немъ, по устойчивости и жизненности христіанскаго благочестія и по благоустройству во всѣхъ отношеніяхъ, а храмъ сей, въ которомъ мы молимся, пусть будетъ по прежнему драгоценною для русскихъ людей христіанскою святынею.

С. А. Рачинскій въ его письмахъ.

Неизмѣнной чередой проходятъ недѣли и мѣсяцы со дня кончины этого безпримѣрнаго дѣятеля на поприщѣ народнаго образованія въ духѣ православной церкви. Ужели неумолимое время своимъ теченіемъ изгладитъ память и еще одного изъ великихъ въ своей скромности людей на святой Руси? Нужно намъ чаще и больше напоминать о немъ въ назиданіе нашимъ нынѣшнимъ радѣтелямъ народнои школы и на память потомству.

Въ одной изъ душевныхъ статей, посвященныхъ памяти С. А. Рачинскаго, было напечатано: «Богатѣйшіе матеріалы для ея характеристики, разсѣянные въ многочисленнѣйшихъ письмахъ почившаго къ дѣтелямъ церковной школы, ученикамъ и почитателямъ, еще не собраны. Было бы весьма желательно, чтобы ни одинъ изъ этихъ цѣнныхъ листковъ, написанныхъ рукою Сергѣя Александровича, не былъ

утрачѣн для потомства» *). Нельзя не сочувствовать этому справедливому желанію, и пока живъ, спѣшу откликнуться на призывъ почтеннаго автора статьи.

Писемъ Сергѣя Александровича у меня немного, — всего шестнадцать; но они, какъ и все имъ писанное, представляютъ большой интересъ, и именно въ томъ отношеніи, что живо рисуютъ намъ его самого, какъ человѣка высокообразованнаго, глубоко-религіознаго и всецѣло преданнаго своему святому дѣлу — учительству народа. И въ нихъ, конечно, идетъ рѣчь объ его образцовой школѣ, объ его отношеніяхъ къ ученикамъ, дышавшихъ истинно-отеческою, или, лучше сказать, материнскою объ нихъ заботливостію и любовію къ нимъ, — рѣчь, проникнутая притомъ удивительнымъ по искренности и непритворности смиреніемъ; но главную ихъ особенность, въ сравненіи съ другими письмами, составляетъ то, что въ нихъ С. А. Рачинскій наиболѣе ясно выступаетъ какъ человѣкъ всей душой преданный православію и православной церкви. Близко интересуясь всѣмъ, что относится къ жизни русскаго народа, онъ не могъ оставить и не оставилъ безъ вниманія такое прискорбное въ ней явленіе, какъ расколъ, — и объ немъ-то, по поводу моихъ специальныхъ занятій, большею частію переписывался со мною. Его взглядъ на расколъ и значеніе раскола въ религіозной жизни русскаго народа отличался рѣдкою въ свѣтскомъ ученѣмъ вѣрностію и твердостью, простекавшимися именно изъ его глубокой преданности и любви къ православной церкви, ученіе которой зналъ онъ, какъ настоящій богословъ. Я постоянно высылалъ ему «Братское Слово», и его вниманіе къ этому моему изда-

нію, свидѣтельствомъ котораго служатъ его письма ко мнѣ, доселѣ наполняютъ мою душу глубокою къ нему благодарностію: при полномъ равнодушіи къ такому специальному журналу, какимъ было «Братское Слово», со стороны свѣтскаго интеллигентнаго общества и даже свѣтскихъ ученыхъ, и при открыто враждебномъ отношеніи къ нему нашей либеральной прессы, ратовавшей (и продолжающей ратовать) за расколъ, доброе слово такого цѣнителя, каковъ былъ С. А. Рачинскій, служило для меня поддержкой и ободреніемъ на тернистомъ (для меня по крайней мѣрѣ) издательскомъ поприщѣ. Весьма дорого было для меня въ письмахъ Сергѣя Александровича и внушало высокое къ нему уваженіе еще то, что онъ вполне цѣнилъ рѣдкія достоинства литературныхъ трудовъ моего главнаго и неизмѣннаго сотрудника, какъ по изданію журнала, такъ и во всей противораскольнической дѣятельности, — покойнаго архимандрита Павла. Если что могло бы удержать меня отъ печатанія писемъ Сергѣя Александровича, то развѣ только его хвалебные отзывы лично обо мнѣ и о моихъ трудахъ; но успокоиваюсь тѣмъ, что они принадлежатъ человѣку, о которомъ не обинуясь можно было сказать: *се воистину израильтянинъ, въ немже лъсти нсть*, и что для «Братскаго Слова» настала уже исторія...

Къ моему крайнему сожалѣнію, мы лично не были знакомы, ни разу всю жизнь не видали другъ друга, ни однажды не обмѣнялись словомъ въ живой бесѣдѣ. Переписка наша началась случайно. Когда преобразованъ былъ по новому Высочайше утвержденному уставу существующій при Троицкой Сергіевой лаврѣ Александро-Маринскій домъ призрѣнія, въ которомъ я занялъ тогда должность члена совѣта отъ академіи, съ обязанностію наблю-

*) «Церковн. Вѣдомости» 1902 г. № 24, стр. 790.

дать по преимуществу за состоящими при немъ училищами, намъ желательно было для мужскаго училища получить въ учителя кого-либо изъ воспитанниковъ Татевской школы. Объ этомъ мы просили Сергѣя Александровича, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ отпустилъ къ намъ отличнаго юношу, Е. А. Толстого, который сдѣлался у насъ весьма полезнымъ учителемъ, а потомъ произведенъ и въ діакона къ Призрѣнской церкви, каковыя должности съ честью исполняетъ и доселѣ. Въ первыхъ ко мнѣ письмахъ Сергѣя Александровича рѣчь идетъ именно объ этомъ дѣлѣ и объ этомъ лицѣ.

Первое письмо.

Татев. 23 іюля (1883 г. *).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Елизавета Степановна Кроткова **), черезъ Ивана Ивановича Соколова ***) предлагаетъ кому-либо изъ бывшихъ моихъ воспитанниковъ, достигшихъ учительскаго званія, занять мѣсто учителя при мужской школѣ Александро-Маріинскаго Дома Призрѣнія.

Къ сожалѣнію, не могу рекомендовать на эту должность ни одного изъ моихъ бывшихъ учениковъ, ибо отъ кандидата на оную требуются специаль-

*) С. А. Рачинскій, повидимому, не имѣлъ обычая вставлять годъ на своихъ письмахъ, а аккурратно писалъ въ началѣ только число и мѣсяць, — таковы по крайней мѣрѣ всѣ его письма ко мнѣ. Годъ на каждомъ письмѣ теперь вставленъ мною самимъ по соображенію упоминаемыхъ въ немъ обстоятельствъ.

**) Начальница Александро-Маріинскаго Дома Призрѣнія.

***) И. И. Соколовъ, состоявшій тогда приватъ-доцентомъ при академіи (впослѣдствіи Сергій, епископъ Черниговскій), былъ родомъ изъ Смоленской губерніи и бывалъ въ Татевѣ.

ныя познанія по географіи, предмету, не входящему въ программу начальныхъ сельскихъ училищъ, и поэтому не усвоенному ни однимъ изъ нихъ въ той мѣрѣ, которая необходима для успѣшнаго преподаванія.

Вообще, опасаясь, чтобы пристрастіе добрѣйшаго Ивана Ивановича къ моей школѣ не вводило въ заблужденіе тѣ лица, съ коими онъ имѣлъ случай о ней бесѣдовать. Дѣло мое гораздо скромнѣе и проще, чѣмъ оно ему представляется. Я готовлю хорошихъ деревенскихъ грамотѣевъ, надежныхъ учителей для нашихъ заолустренныхъ школъ, а не многосторонне-образованныхъ педагоговъ, способныхъ справиться съ несравненно труднѣйшими задачами школы городской. Если вы знакомы съ вашимъ сосѣдомъ по Пушкину *), Михаиломъ Якимовичемъ Горбовымъ, можете узнать отъ сына его, Николая Михайловича, всю подноготную о дѣйствительно своеобразномъ учебномъ заведеніи, сложившемся, какъ-то само собою, въ дебряхъ Бѣльскаго уѣзда. Онъ въ теченіи года четыре раза былъ въ Татевѣ, раздѣлялъ мои труды, и только на дняхъ оставилъ меня.

Пріймите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи и преданности

С. Рачинскій».

Повидавшись съ г. Горбовымъ и распросивъ его о Татевской школѣ, я напелъ, что для насъ былъ бы особенно нуженъ именно учитель, воспитавшійся въ этой школѣ, усвоившій ея духъ и приемы преподаванія. Поэтому я повторилъ нашу просьбу Сергѣю Александровичу и подробнѣе изложилъ ему условія, въ какихъ будетъ существовать у насъ приглашаемый учитель. Въ отвѣтъ онъ написалъ мнѣ —

*) Я жилъ тогда въ Пушкинѣ на дачѣ.

Второе письмо.

Татево. 9 августа (1883 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичь.

Не могу выразить Вамъ, какъ прискорбно мнѣ отказываться отъ предложенія, столь лестнаго для меня, столь выгоднаго для того изъ моихъ учениковъ, котораго я могъ-бы Вамъ рекомендовать. Все затрудненіе заключается въ географіи, которою они никогда систематически не занимались, которой слѣдовательно преподавать не могутъ. Ариѳметика и русскій языкъ затрудненій не представляютъ. Само собою разумѣется, что къ осени будущаго года я могъ-бы подготовить любого изъ нихъ къ преподаванію элементарнаго курса этой науки—но такія выгодныя мѣста не ждутъ.

Этотъ случай, можетъ быть, указываетъ на желательность расширенія курса моей импровизированной учительской семинаріи. Но примите въ соображеніе, какъ трудно предпринимать такія вещи на рискъ, какъ тяжело вмѣщать въ себѣ и школьнаго учителя и весь персоналъ цѣлой учительской семинаріи. И при тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, въ коихъ я веду дѣло, на него едва хватаетъ моихъ силъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ уваженіи и преданности

С. Рачинскій».

Чтобы устранить указанное Сергѣемъ Александровичемъ препятствіе, я писалъ ему 18-го августа, что учитель, котораго мы просимъ, можетъ преподавать только русскій языкъ и ариѳметику. При письмѣ я послалъ ему только-что вышедшія тогда двѣ первыя книжки возобновленнаго мною *Братскаго Слова*. Въ отвѣтъ Сергѣй Александровичъ прислалъ мнѣ—

Третье письмо.

Татево. 23 августа (1883 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичь.

Имѣю время написать вамъ лишь нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на обязательное ваше письмо отъ 18-го августа. Въ виду того, что отъ учителя, о коемъ идетъ между нами рѣчь, требуется только преподаваніе русскаго языка и ариѳметики, рѣшаюсь, хотя со страхомъ, послать вамъ одного изъ моихъ учениковъ. Постараюсь послать вамъ его какъ можно скорѣе. Нужно мнѣ еще облечь его въ нѣмецкое платье (вѣдь они у меня ходятъ въ крестьянскомъ), и желательно было бы, чтобы онъ до отъѣзда отсюда выдержалъ экзаменъ на званіе сельскаго учителя, къ коему онъ нынѣ готовится. Но послѣднюю эту формальность, за недостаткомъ времени, видно нужно будетъ отложить до будущаго лѣта.

Онъ очень юнъ, очень наивенъ, но очень способенъ, и за нравственность его я ручаюсь—онъ уже восемь лѣтъ у меня на глазахъ. Дай Богъ, чтобы онъ оправдалъ Ваше довѣріе ко мнѣ!

Какъ благодарить мнѣ Васъ за вниманіе Ваше къ моимъ темнымъ, смиреннымъ трудамъ! Право, мнѣ все представляется, что я какъ-нибудь невольно распустилъ о нихъ преувеличенную молву,—до того незаслуженными кажутся мнѣ драгоценныя изъявленія сочувствія, подобныя тѣмъ, которыя получаю отъ Васъ.

За присылку «Братскаго Слова» шлю Вамъ сердечное спасибо. Предметъ Вашъ очень специаленъ, но Вы умѣете писать о немъ такъ, что онъ становится привлекательнымъ и для не-специалстовъ.

Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ преданный Вамъ

С. Рачинскій».

Четвертое письмо.

Татево. 26 августа (1883 г.).

«Посылая къ Вамъ моего ученика—Егора Алексѣева Толстого—поручаю Н. М. Горбову, знающему мѣру его силъ и знаній, съѣздить съ нимъ къ старшему учителю Дома Приарѣнія и на общемъ совѣщаніи рѣшить, послить ли ему программа этого заведенія, мнѣ неизвѣстная, и либо отправить его назадъ въ Татево, или дать ему подробную инструкцію (Горбовъ спеціально занимается школьнымъ дѣломъ).

Вотъ *curriculum vitae* Толстого. Онъ учился сперва въ Татевскомъ училищѣ; затѣмъ въ Шопотовскомъ 2-класномъ, коего я состою почетнымъ попечителемъ, два лѣта провелъ у меня для пополненія своихъ знаній, одну зиму училъ (очень успѣшно) въ деревенской школѣ, устроенной мною въ отдаленной деревнѣ нашего прихода, зараженной расколомъ.

Съ величайшимъ интересомъ прочелъ я двѣ первыя книжки «Братскаго Слова». Долженъ Вамъ сознаться, что всѣ мои свѣдѣнія о расколѣ я почерпнулъ изъ Вашихъ статей и брошюръ,—впрочемъ полагаю, что въ томъ же положеніи находится девять-десятихъ образованныхъ людей-неспециалистовъ. Все, что печатается по этому предмету въ нашихъ журналахъ и газетахъ передоваго оттѣнка, носить на себѣ печать такого глубокаго невѣжества, что не внушаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Поэтому привѣтствую отъ души возрожденіе «Братскаго Слова», дающее возможность и неспециалистамъ получать достовѣрныя и точныя свѣдѣнія о вещахъ, которыя надлежитъ вѣдать всякому православному. Къ тому же первыя двѣ книжки «Слова» содержать документы первостепенной важности. Разумію двѣ параллельныя

біографіи Антонія Шутова *), и въ особенности вопросы Новинковскихъ старообрядцевъ Савватію **). Эти вопросы, съ ихъ превосходнымъ введеніемъ, привели меня въ зависть и восхищеніе. Раскрывалъ ли когда-либо православный писатель столь высоко и сжато, столь краснорѣчиво и ясно, внутреннюю ложь трехъ главныхъ развѣтвленныхъ старообрядчества? Я убѣжденъ, что появленіе въ печати этихъ «вопросовъ»—великое событіе въ исторіи раскола. Но кромѣ того, они составляютъ въ высшей степени назидательное чтеніе для православныхъ. Если, въ чемъ едвали можно сомнѣваться, Вы располагаете многочисленными отдѣльными оттисками этого драгоценнаго документа, не удѣлите ли Вы мнѣ одинъ изъ нихъ? Онъ мнѣ нуженъ для ученика-раскольника, уже сильно поколебленнаго. Вчера, читая вслухъ эти «вопросы» моимъ ученикамъ, я еще болѣе оцѣнилъ глубину ихъ содержанія и несравненную мѣткость изложенія. Всѣ слушатели были увлечены и очарованы.

Да благословитъ васъ Богъ за великое и доброе дѣло, столь блистательно предпринятое Вами!

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ преданный Вамъ *С. Рачинскій*».

Присланный Сергѣемъ Александровичемъ учитель произвелъ на насъ весьма пріятное впечатлѣніе и охотно былъ принятъ въ нашу школу. Сообщая

*) Въ первыхъ книжкахъ „Брат. Слова“ за 1883 г. были напечатаны: біографія Антонія, тенденціозно и живо составленная Шнецовымъ, съ моими пространными подстрочными замѣчаніями, и „Воспоминанія объ Антоніи“ близко знавшаго жизнь его о. архимандрита Павла. Объ нихъ и идетъ рѣчь въ письмѣ С. А. Рачинскаго. О печатаніи ихъ см. въ недавно изданной мною книгѣ: „Еще пятнадцать лѣтъ служенія церкви борьбою съ расколомъ (мои переписка съ архим. Павломъ)“, стр. 219—221.

**) Напечатаны въ „Братскомъ Словѣ“ 1883 г. стр. 53—70. Вопросы и предисловіе къ нимъ написаны были покойнымъ Е. А. Антоновымъ и мною исправлены: см. въ той же книгѣ „Еще пятнадцать лѣтъ“... стр. 209.

ему объ этомъ, я вмѣстѣ благодарилъ его за добрый отзывъ о «Братскомъ Словѣ» и особенно о «вопросахъ» Новинковскихъ старообрядцевъ, значеніе которыхъ едвали не онъ одинъ изъ просвѣщенныхъ православныхъ читателей оцѣнилъ такъ вѣрно при самомъ ихъ появленіи. А они дѣйствительно имѣли весьма важное значеніе. Раскольническія власти были поставлены ими въ крайнее затрудненіе и, не видя возможности отвѣтить на нихъ, рѣшились, къ своему посрамленію, призвать на помощь извѣстнаго о. Іоанна Верховскаго. Составленные для нихъ этимъ послѣднимъ отвѣты, ничтожность которыхъ онъ хотѣлъ прикрыть рѣзкой и грубой бранью на православную церковь, имѣли въ свою очередь роковое для него значеніе и, что всего важнѣе, положили конецъ его вредной для церкви дѣятельности*). Мѣтко оцѣнивъ съ перваго раза значеніе «вопросовъ», Сергѣй Александровичъ показалъ себя человѣкомъ и здѣсь въ совершенствѣ понимающимъ сущность дѣла, цѣнителемъ наиболѣе компетентнымъ: поэтому его отзывъ и былъ мнѣ очень дорогъ. Отдѣльные оттиски «вопросовъ» я обѣщаль ему немедленно выслать, какъ только будутъ напечатаны. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ:

Пятое письмо.

Татеево. 9 сентября (1883 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Благодарю Васъ отъ души за Ваше обязательное письмо и за радушный приемъ, оказанный моему юному питомцу.

Два слова въ объясненіе того, по-

чему я былъ вынужденъ послать Вамъ юношу, столь еще незрѣлаго, а не одного изъ старшихъ, болѣе опытныхъ моихъ учениковъ.

Татеевская школа не есть учительская семинарія. Я до сихъ поръ готовилъ къ учительской должности лишь тѣхъ изъ моихъ воспитанниковъ, которые, по крайнему моему разумѣнію, имѣють къ этой должности нѣкоторое призваніе, и въ томъ количествѣ, которое соотвѣтствуетъ школамъ, мною содержимымъ (числомъ 5) и находящимся въ непосредственномъ моемъ вѣдѣніи. Всѣ эти юноши все время, свободное отъ школьныхъ занятій (почти половину года), проводятъ у меня для пополненія своихъ знаний и умѣній (нынѣшнее лѣто, напримѣръ, было посвящено болѣе близкому изученію Священнаго Писанія, церковнаго устава, обиходнаго дѣнія). Все это очень многогрудно и странно; но не я это придумалъ, а оно сложилось само собою. Изъ этого проистекла такая близкая, тѣсная, почти кровная связь между мною и моими питомцами, что тѣ изъ нихъ, которымъ я имѣю возможность дать сколько-нибудь сносное обезпеченіе, наотрѣвъ отказываются разставаться со мною, несмотря на выгодныя предложенія, не разъ ими полученныя. Гнать ихъ отъ себя насильно—нравственно не возможно. Близко то время, когда я буду къ тому вынужденъ, ибо я разоряюсь и силы мои быстро слабѣють. Но пусть-же они прежде получаютъ отъ меня все, что я могу имъ дать*).

Егоръ Толстой—одинъ изъ лучшихъ въ нравственномъ отношеніи и способнѣйшихъ моихъ учениковъ. Прошу на

*) Подробности объ этомъ см. въ кн. «Еще пятнадцать лѣтъ служенія церкви...» стр. 264—268, 294, 297, 340—341 343 и др.

*) Въ высшей степени примѣчательныя и трогательныя признанія! Въ нихъ отразилось все величіе души незабвеннаго Сергѣя Александровича Рачинскаго, вся его любовь и къ своей школѣ и къ своимъ питомцамъ.

одну зиму снисхожденія къ пробѣламъ его образованія. Надѣюсь, что съ Божіею помощію онъ ихъ пополнитъ. Будущее лѣто займусь имъ со всею интенсивностію, на какую я способенъ. Я бы никогда не разстался съ нимъ, еслибы не ограниченность моихъ денежныхъ средствъ, полагающая неумолимые предѣлы моимъ школьнымъ затѣямъ.

Эта длинная отвѣдь не требуетъ отвѣта. Она лишь необходимое поясненіе того смѣлаго эксперимента, на который я отважился.

На грустныхъ размышленія навело меня одно мѣсто Вашего письма. Вы отмѣчаете съ похвалою то обстоятельство, что въ моей школѣ соблюдаются посты. До чего мы дожили! Вѣдь нарушеніе постовъ въ школахъ — просто преступленіе, не только съ точки зрѣнія религіозной, но и съ точки зрѣнія самыхъ элементарныхъ приемовъ для воспитанія воли, а въ сельской школѣ преступленіе, сопряженное съ возмутительнымъ нравственнымъ насиліемъ... А между тѣмъ, оглядываясь вокругъ себя, не могу не признать Вашего похвальнаго отзыва вполне естественнымъ *).

Съ великою благодарностію приму отъ Васъ отдѣльные оттиски Новинковскихъ «вопросовъ». Въ нашемъ приходѣ раскольниковъ мало, но въ нашемъ сосѣдствѣ есть приходы, сильно зараженные расколомъ, и состояніе этихъ приходовъ невыразимо печально. Они, по своей малоодоходности, служатъ какъ-бы мѣстомъ ссылки для самыхъ плохихъ священниковъ. Можете

*) Это писалъ Сергій Александровичъ за девятнадцать лѣтъ до своей кончины, и много въ эти девятнадцать лѣтъ ему суждено было видѣть «вокругъ себя» podobныхъ «преступныхъ» экспериментовъ надъ русской школою! А что сказалъ бы онъ, еслибы дожилъ до настоящихъ дней, когда явилось уже требованіе вынести изъ школъ и святыхъ иконы, какъ религіозные символы, якобы затмѣняющіе для дѣтей истину?

себѣ представить, что отъ этого происходитъ *). Могу бороться противъ этого зла лишь путями окольными и медленными — усиленіемъ ученія православнаго. Въ нашемъ приходѣ устранено самое вопіющее зло — обученіе православныхъ дѣтей раскольниками, — нынѣ у насъ учатся не только мальчики, но и дѣвочки изъ раскольничьихъ семей (и этимъ мы обязаны исключительно православно-церковному характеру нашихъ школъ; школа индифферентная или потворствующая внушаетъ раскольникамъ лишь вполне заслуженное ею презрѣніе), но до дальнѣйшихъ результатовъ еще далеко. Впрочемъ, самое свойство моихъ занятій заставляетъ меня имѣть постоянно въ виду отдаленное будущее. Возлагаю, между прочимъ, надежды на брата нашего Толстого, мальчика рѣдкихъ способностей, который идетъ первымъ въ Бѣльскомъ духовномъ училищѣ. Съ Божіею помощію изъ него выйдетъ добрый священникъ, знающій расколъ не по однѣмъ книгамъ.

Да хранить Васъ Богъ!

Душевно Вамъ признательный и преданный С. Рачинскій».

Если дорогъ мнѣ былъ сочувственный отзывъ С. А. Рачинскаго о «вопросахъ» Новинковскихъ старообрядцевъ, то еще дороже цѣнилъ я высказанный имъ въ слѣдующемъ, шестомъ, письмѣ такой же отзывъ о напечатанной въ 1881 году брошюрѣ «Сущность и значеніе раскола», написанной мною по порученію г. Оберъ-Прокурора Свя-

*) Это, почти повсемѣстно встрѣчающееся и такъ вѣрно подмѣченное Сергѣемъ Александровичемъ, прискорбное (но, говорятъ, вынуждаемое необходимостію) явленіе служить, дѣйствительно, одною изъ причинъ поддержанія и усиленія раскола въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Объ этомъ и еще разъ писалъ мнѣ Сергій Александровичъ впоследствии. Объ этомъ крайне скорбѣлъ и покойный архимандритъ Павелъ, — онъ многократно указывалъ въ свое время Московскимъ духовнымъ властямъ на необходимость устраненія столь вреднаго для церкви обычая.

тѣйшаго Синода и подвергшейся тогда рѣзкому нападенію со стороны либеральной прессы *). Брошюра была написана съ специальною цѣлю—показать, что не возможно ставить нашъ расколъ въ сравненіе съ иновѣрными исповѣданіями и предоставить ему одинаковыя съ этими послѣдними права, о чемъ тогда хлопотали раскольники, поощряемые либеральной печатью, и къ чему склонялось даже гражданское правительство. Высказавъ свое мнѣніе объ этой брошюрѣ, Сергѣй Александровичъ весьма справедливо замѣтилъ, что желательно было бы новое, нѣсколько распространенное изданіе изложеннаго въ ней, но «съ опущеніемъ всего, относящагося къ частному поводу, вызвавшему появленіе брошюры». Я не могъ не признать всей справедливости этого желанія, но занятый срочною работою по журналу не имѣлъ возможности его исполнить. Вотъ это—

Шестое письмо.

Татеву. 30 декабря (1883 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Вчера вечеромъ я читалъ вслухъ моимъ юнымъ учителямъ и другимъ бывшимъ ученикамъ Вашу брошюру «О сущности и значеніи раскола въ Россіи».

Живой интересъ, возбужденный этимъ мастерскимъ очеркомъ столь важной стороны нашей церковной исторіи, навелъ меня на грустные размышленія.

Повѣрите ли Вы, что огромное большинство нашихъ сельскихъ священни-

ковъ, даже тѣхъ, которые лѣтъ 10—20 священствуютъ въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о тѣхъ событіяхъ, о коихъ Вы повѣствуете? Не слыхали и названій Вѣлой-Криницы, Амвросія, Павла Прусскаго, не знаютъ, откуда взялась Австрійская іерархія, не вѣдаютъ о существованіи «Окружнаго посланія» *). Само собою разумѣется, что заинтересовать ихъ чтеніемъ «Братскаго Слова» при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности: имъ просто не понятенъ смыслъ драгоценныхъ документовъ, съ коими Вы насъ знакомите. Имъ нужна азбука, и такую азбукою можетъ служить отчасти Ваша прекрасная брошюра. Распространяю ее, елико возможно (К. П. П.—въ снабжаетъ меня достаточнымъ количествомъ экземпляровъ). Но не желательно ли было бы другое изданіе, нѣсколько распространенное, съ опущеніемъ всего, относящагося къ частному поводу, вызвавшему появленіе брошюры, съ дополненіемъ до исторіи Новинковскихъ старообрядцевъ включительно, съ приложеніемъ ихъ замѣчательныхъ вопросовъ?

Странно, почти назойливо требовать отъ Васъ этого новаго труда сверхъ неусыпныхъ Вашихъ трудовъ. Но, говоря по совѣсти, кто кромѣ Васъ могъ бы его исполнить? Такъ говорить объ этихъ вещахъ умѣете только Вы. Нуженъ и Вашъ талантъ, и Ваше несравненное знаніе, чтобы группировать данныя съ такою убѣдительною ясностію, чтобы простымъ изложеніемъ

*) Между прочимъ въ „Новомъ Времени“ напалъ на нее г. Лѣсковъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Кто написалъ“? Тогда же я напечаталъ въ „Современной Лѣтописи“ „Отвѣтъ „Новому Времени“ на вопросъ: кто написалъ“? О составленіи брошюры говорится на многихъ страницахъ книги: „Еще пятнадцать лѣтъ служенія церкви“ (стр. 80—81, 97, 103—104, 132—134).

*) Обвиненіе тяжкое и прискорбное тѣмъ болѣе, что идетъ отъ преданнаго сына церкви и друга духовенства. Въ настоящее время, благодаря усиленію миссіонерской дѣятельности въ епархіяхъ и учрежденію кафедръ исторіи и обличенія раскола въ духовныхъ семинаріяхъ съ 1886 года, сельское духовенство далеко не такъ безучастно къ дѣламъ раскола, какъ говоритъ о семъ высокочтимый авторъ письма.

фактовъ раскрывать ихъ внутренней мыслью.

Эти строки не требуютъ отвѣта. Онѣ вылились невольно подъ впечатлѣніемъ вчерашняго чтенія, а также хлопотъ объ устройствѣ школъ въ приходоухъ, сильно зараженныхъ расколомъ и порученныхъ священникамъ, о расколѣ ничего не знающимъ, да и знать не хотящимъ... кромѣ статистики.

Е. С. Кроткова пишетъ мнѣ, что Вы позволяете моему Егору Толстому пробить еще полугодіе подъ Вашимъ руководствомъ. Не могу достаточно благодарить Васъ за это снисхожденіе. Твердо надѣюсь, послѣ этого искуса, сдѣлать изъ него вполне удовлетворительнаго учителя. Маленькій рассадникъ сельскихъ учителей, самъ собою возникшій въ Татевѣ, конечно, не можетъ имѣть притязанія снабжать учителями училища городскія, съ курсомъ, превышающимъ программу одноклассной школы—тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ имѣетъ лишь питомцевъ весьма юныхъ. Но въ своей тѣсной сферѣ онъ можетъ принести свою долю пользы. Нынѣ, съ предстоящимъ расширеніемъ моей дѣятельности на приходы, зараженные расколомъ, придется обратить усиленное вниманіе на элементарную догматику и самому основательнѣе ознакомиться съ литературою о расколѣ.

Да хранить Васъ Богъ!

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и благодарностію остаюсь преданный Вамъ слуга *С. Рачинскій*.

Еще до полученія этого письма я послалъ Сергѣю Александровичу привѣтствіе съ наступающимъ новымъ 1884 годомъ и, выразивъ сожалѣніе, что онъ подписался на «Братское Слово» за этотъ годъ,—писалъ ему, что всегда буду высылать ему журналъ мой *gratis*. вмѣстѣ съ этимъ я прислалъ его сдѣлать мнѣ, на основаніи

истекшаго полугодія *), какіе либо указанія и совѣты, какъ вести журналъ на будущее время. Въ отвѣтъ онъ прислалъ мнѣ слѣдующее—

Седьмое письмо.

Татево. 9 января (1884 г.).

«Наши послѣднія письма, многоуважаемый Николай Ивановичъ, вѣроятно встрѣтились, что не помѣшало имъ въ нѣкоторомъ родѣ служить отвѣтомъ другъ другу. Но не могу не отозваться хотя нѣсколькими строками на Ваше доброе привѣтствіе отъ 1 января.

За предложеніе выслать мнѣ даровой экземпляръ «Братскаго Слова» искренно Вамъ благодаренъ. Не сомнѣваюсь, что онъ вскорѣ окажется мнѣ нужнымъ для сообщенія кому-либо изъ сосѣднихъ батюшекъ. Это сбережетъ мой собственный экземпляръ, коимъ я дорожу. Давать Вамъ какіе-либо указанія и совѣты на счетъ изданія столь спеціальнаго было бы съ моей стороны непростительно самонадѣянностію—даже касательно внѣшней, литературной стороны. Вы выбираете и обставляете Вашъ матеріалъ такъ, что каждая книжка читается съ живѣйшимъ интересомъ отъ доски до доски, и въ этомъ отношеніи могу только удивляться Вашему искусству. Но въ Вашемъ письмѣ слышится жалоба на малое распространеніе Вашего изданія. Полагаю, что это судьба всѣхъ нашихъ спеціальныхъ изданій въ началѣ ихъ существованія. Единственный путь для завоеванія болѣе обширной публики,—разнообразіе содержанія—для Васъ закрытъ. Расширеніе программы безъ нарушенія характера журнала возможно лишь въ одну сторону. «Братское Слово» могло бы знакомить своихъ читателей и съ судьбою новѣйшихъ

*) Изданіе возобновленнаго «Братскаго Слова» начато было съ половины 1883 г.

формъ раскола (южно-русская штунда, спорадическія явленія въ родѣ Сютаявщины, etc.). Этимъ формамъ суждено играть видную роль въ ближайшемъ будущемъ. Распространеніе Священнаго Писанія, съ пашковскими подчеркиваніями, косность большинства нашего духовенства—повсюду готовятъ почву для подобныхъ явленій. Протестантскія воззрѣнія (какъ на то уже указано въ «Братскомъ Словѣ») проникаютъ въ самое старообрядчество—явленіе странное, но въ сущности логическое: разумные послѣдователи австрійской іерархіи не могутъ въ душѣ не сознавать, что ихъ священство есть священство не въ смыслѣ апостольскаго преемства, и вынуждены искать для него иной санкціи въ полномочіи отъ общины...

Само собою разумѣется, что такое распространеніе программы Вашего журнала было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибы у Васъ имѣлись надежные сотрудники въ мѣстностяхъ, зараженныхъ штундою.

Не пристражайте меня аккуратными отвѣтами на всѣ мои писанія—ибо я самъ не аккуратнѣйшій изъ корреспондентовъ, часто поневолѣ. Да хранить Васъ Богъ!

Преданный Вамъ С. Рачинскій».

Справедливое замѣчаніе Сергія Александровича о расширеніи программы «Братскаго Слова» я очень желалъ исполнить; но самъ я занимался спеціально старообрядческимъ расколомъ, а сотрудниковъ, хорошо знакомыхъ со штундою и подобными сектами, совсѣмъ не имѣлъ. Когда же о. Павелъ написалъ нѣсколько статей этого рода, я напечаталъ ихъ весьма охотно. Первая изъ нихъ, «Бесѣды съ молоканами», была напечатана въ томъ же 1884 году *), и Сергій Александровичъ

*) «Братск. Сл.» 1884 г. т. I. стр. 284, 437, 493. См. кн. „Еще пятнадцать лѣтъ служенія церкви“, стр. 281—282, 287, 292, 295—296.

вѣтъ сдѣлалъ объ ней самый лестный отзывъ.

Восьмое письмо.

Татево. 2 іюля (1884 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Давно не писалъ я къ вамъ—просто потому, что силъ не было. Меня едва хватаетъ на уроки и прочія школьныя хлопоты, а съ корреспонденціею, даже срочною, рѣшительно не справляюсь. Теперь, на время покоса, уменьшилось количество учениковъ, но не уменьшилось количество уроковъ. Я, кажется, дошелъ до того пункта, гдѣ необходимо, хоть на краткое время, совершенный перерывъ всякихъ школьныхъ занятій.

Бесѣды отца Павла съ молоканами дышутъ тою особою прелестію, кою отличается все, что выходитъ изъ-подъ его пера. Именно прелестію. Ибо, независимо отъ ихъ полноты и ясности, онѣ согрѣты внутреннею теплою, не нуждающеюся для своего выраженія ни въ какихъ риторическихъ прикрасахъ. Это не напускной жаръ бойкаго проповѣдника, бьющаго на немедленное дѣйствіе каждаго слова. Это любовь, исполненная смиренія, терпѣнія и жалости къ заблудшимъ, глубокое чувствѣ тѣхъ духовныхъ немощей, тѣхъ умственныхъ пробѣловъ, которые требуютъ исправленія. Нечего и говорить о томъ, что онѣ принесутъ громадную пользу не только во всѣхъ мѣстностяхъ, зараженныхъ молоканствомъ, но и повсюду, гдѣ распространяются какія бы то ни было секты протестантскаго пошиба. Мало того, онѣ составляютъ завлекательное и въ высшей степени назидательное чтеніе для православныхъ, чуждыхъ всякаго поползновенія къ расколу: едвали гдѣ они могутъ найтись, въ столь общедоступной формѣ, столько здраваго богослов-

скаго поученія. Основываюсь не на предположеніяхъ, а на томъ впечатлѣніи, которое произвели эти бесѣды на моихъ взрослыхъ учениковъ.

Егоръ Толстой провелъ у меня июнь мѣсяцъ. Теперь я отпустилъ его на покой, но онъ вернется черезъ двѣ недѣли. Мы усердно занимались, и еще будемъ заниматься съ нимъ математикою, церковно-славянскимъ языкомъ, географіею и исторіею. Онъ очень развился за эту зиму, и надѣюсь, что изъ него будетъ прокъ.

Теперь налегаю на моего Виѣнскаго семинариста относительно новыхъ языковъ (англійскаго и нѣмецкаго).

Не сомнѣваюсь, что бесѣды о Павла будутъ изданы отдѣльно и распространены путями дѣйствительными.

Да хранить Васъ Богъ! Надѣюсь, что лѣто приноситъ Вамъ отдохновеніе. Нужно, нужно оно въ наши лѣта!

Преданный Вамъ *С. Рачинскій*.

Вскорѣ послѣ этого «Бесѣды съ молочанами» вышли дѣйствительно отдѣльною книжкою и, дѣлая въ «Братскомъ Словѣ» объявленіе о ней, я привелъ изъ письма Сергѣя Александровича, впрочемъ не называя его по имени, все сказанное имъ о «бесѣдахъ». Сергѣю Александровичу я немедленно послалъ нѣсколько экземпляровъ книжки и просилъ извиненія, что огласилъ значительную часть его письма, не испросивъ на то предварительно его согласія. Тогда же, предъ началомъ академическаго курса, я изъяснилъ ему готовность содѣйствовать зачисленію въ студенты академіи одного вдоваго священника, имъ рекомендованнаго. Объ этомъ и говорится въ слѣдующемъ письмѣ его.

Девятое письмо.

Татево. 19 сент. (1884).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Благодарю Васъ отъ души за участіе, высказанное Вами о Никанору Кула-

гину. Передамъ ему одобрительныя слова, слышанныя отъ Васъ Н. М. Горбовымъ. О. Кулагинъ — человѣкъ хорошій. Поступленіе въ академію считаю для него весьма желательнымъ, ибо среда уѣзднаго города для любого вдоваго священника во многихъ отношеніяхъ опасна.

Появленіе нѣсколькихъ строкъ моего письма въ «Братскомъ Словѣ» не возбудило во мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія. Жалѣю только, что я не сумѣлъ выразить точнѣе и ярче то впечатлѣніе, которое произвели на меня бесѣды о Павла. Скорѣе могъ бы я сѣтовать на Васъ за слишкомъ лестныя для меня строки, коими Вы сопровождаете вашъ цитатъ *)... Отдѣльные оттиски «Бесѣдъ» я получилъ: приношу Вамъ мою усерднѣйшую благодарность.

На-сегодня ограничусь сими не многими строками. Я еще очень слабъ и пишу съ трудомъ.

Душевно Вамъ преданный *С. Рачинскій*.

Во второй ноябрьской книжкѣ «Братскаго Слова» за 1884 годъ (т. II, стр. 423—445) была напечатана превосходная, въ высшей степени важная бесѣда о Павла съ священникомъ о томъ, «что нужно для успѣшнаго дѣйствованія въ обращеніи глаголемыхъ

*) Вотъ эти немногія строки: «Рекомендуя книжку особому вниманію священниковъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ существуютъ молочаны, мы не можемъ отказать себѣ въ утѣшеніи привести здѣсь отзывъ о «Бесѣдахъ» о. архимандрита Павла, сдѣланный однимъ высокообразованнымъ человѣкомъ, всю свою душу положившимъ на воспитаніе крестьянскаго юношества въ духѣ православной церкви. Вотъ что писалъ намъ этотъ замѣчательнѣйшій дѣятель, или, вѣрнѣе сказать, подвижникъ нашего времени». И вслѣдъ за выпиской изъ письма Сергѣя Александровича было сказано: «Къ этому замѣчательному по своей тонкости и вѣрности, такъ прекрасно выраженному и до глубины души тронувшему насъ именно своею правдою и искренностію, сужденію о Бесѣдахъ о. Павла мы считаемъ совершенно излишнимъ прибавлять что-либо съ своей стороны» (см. «Братское Слово» 1884 г., т. II, стр. 179—180).

старообрядцевъ къ православной церкви», съ моимъ «Дополненіемъ» *). Я просилъ Сергія Александровича обратиться на нее особое вниманіе, и вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ.

Десятое письмо.

Татево. 4 дек. (1884 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Письмо Ваше я получилъ какъ разъ въ ту минуту, когда чувствовалъ потребность написать Вамъ именно по поводу прекрасной статьи о. Павла. Простую, глубокую мудрость его совѣтовъ не можетъ не оцѣнить всякій, сколько-нибудь прикосновенный къ святому дѣлу, коему онъ служить. Но, увы! какъ трудно заинтересовать этимъ дѣломъ именно тѣхъ, кои къ нему преимущественно призваны! Скажите, ради Бога, начинается ли наконецъ «Братское Слово» распространяться въ средѣ сельскихъ священниковъ? Долженъ сказать Вамъ со стыдомъ, что мои два экземпляра, читающіеся съ жадностью моими старшими учениками (учителями), священниками читаются какъ бы только изъ учтивости ко мнѣ и въ нихъ только тѣ статьи, на которыя я настоятельно указываю — словно это нѣчто, быть можетъ и любопытное, но до нихъ не касающееся...

Тѣмъ отраднѣе намъ, мірянамъ, лишь косвенно служащимъ дѣлу, слышать изъ устъ такого авторитета, каковъ о. Павелъ, поощреніе нашей посильной дѣятельности **). Значеніе этой дѣятельности я себѣ не преувеличиваю.

*) О составленіи и изданіи этой «Всѣды» см. въ той же книжкѣ «Еще пятнадцать лѣтъ»... (Стр. 320, 322—325, 328, 329, 330—331).

***) С. А. Рачинскій имѣетъ въ виду ту часть «Всѣды», гдѣ о. Павелъ говоритъ, что священникъ долженъ прежде всего въ самихъ православныхъ прихожанахъ приготовить себѣ помощниковъ для обращенія раскольниковъ, и подробно раскрываетъ, какъ это сдѣлать, какую великую пользу, и какъ именно, могутъ приносить ему такіе помощники (см. «Братское Слово» 1884 г., т. II, стр. 427—434).

Безъ помощи прямыхъ служителей церкви мы все-таки ничего не сдѣлаемъ. Поэтому теперь хлопочу о слѣдующемъ: на избранномъ мною стратегическомъ пунктѣ, вблизи отъ Татева, надѣюсь устроить обитель (женскую), во главѣ коей станетъ графиня Ефимовская, уже наwerbовавшая себѣ много образованныхъ сподвижницъ. Она *непретменно* желаетъ основать обитель по близости отъ Татева и придать ей характеръ *дѣятельный*, преимущественно по части учебной. Слабая часть моего школьнаго дѣла — образованіе дѣвочекъ, а ихъ-то преимущественно надлежитъ утвердить въ церковности, — ихъ, будущихъ жень и матерей: въ расколѣ женщины — великая сила.

Еще бѣда — наши зараженные расколомъ приходи до сихъ поръ служатъ, какъ малоходные, мѣстомъ ссылки для священниковъ порочныхъ или небрежныхъ и этотъ... приемъ служить прямымъ поощреніемъ расколу.

Относительно вліянія истоваго богослуженія на раскольниковъ *) приведу Вамъ слѣдующій примѣръ. Въ прошломъ году я пригласилъ въ Татевое на всю первую недѣлю Великаго поста, для говѣнія, двѣ школы, находящіяся вдали отъ церквей (всѣхъ насъ говѣло 130 человекъ). Пришло и нѣсколько раскольниковъ — и присутствовали при всѣхъ службахъ. Одинъ изъ нихъ, мальчикъ замѣчательнаго ума и развитія, въ пятницу объявилъ, что хочетъ причастаться... Мы должны были отказать, ибо онъ — сирота, воспитанникъ богатаго фанатика раскольника (онъ даже отправился къ намъ подъ какимъ-то вымышленнымъ предлогомъ), и такое внезапное присоединеніе къ православію рав-

*) О значеніи истоваго совершенія службъ священниками, и особенно истоваго изображенія крестнаго знаменія на себѣ и при благословеніяхъ, для удобнѣйшаго привлеченія старообрядцевъ въ церковь, много говорится и въ «Всѣдѣ», и особенно въ «Дополненіи» къ ней.

нялось бы усыновленію, — но дѣло только отложено...

Разумѣется, службы были тщательно подготовлены, чтеніе и пѣніе были таковы, что не пропало ни единого слова и поддерживало 130 дѣтей въ теченіе недѣли въ должномъ настроеніи. Дѣло трудное; но развѣ безъ труда можно чего-нибудь достигнуть? Съ горемъ предвижу, что состояніе моего здоровья не позволитъ мнѣ устроить то же нынѣшнюю зиму. Одинъ — въ полѣ не воинъ. Нуженъ, нуженъ мнѣ въ помощь монастырь. О моихъ планахъ дальнѣйшей личной дѣятельности — въ другой разъ.

Да хранить Васъ Богъ!

Съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь преданный Вамъ *С. Рачинскій*.

Отвѣчая на это письмо и посылая Сергѣю Александровичу нѣкоторыя мои изданія, я рѣшился попросить, не можетъ ли онъ изложить для напечатанія въ «Братскомъ Словѣ» свои драгоценныя наблюденія и мысли о вліяніи школы на ослабленіе раскола. Вотъ что отвѣчалъ онъ.

Одиннадцатое письмо.

Татевъ. 30 января (1885 г.).

«Многоуважаемый Николай Ивановичъ.

Благодарю Васъ отъ души за присланныя Вами книги: когда будетъ нужда, позволю себѣ еще разъ обратиться къ Вамъ.

Что касается до печатнаго сообщенія читателямъ «Братскаго Слова» моихъ наблюденій надъ вліяніемъ школы на раскольниковъ, то такое было бы по меньшей мѣрѣ преждевременно. Раскольниковъ въ районѣ моихъ школъ весьма мало. Такъ, въ нашемъ приходѣ расколъ существуетъ лишь въ одной деревнѣ (дворовъ 15). Въ Татевской школѣ до сихъ поръ кончили

курсъ лишь одинъ раскольникъ, и нынѣ въ ней имѣется лишь одинъ. Ни одного обращенія въ православіе школа еще не вызвала, ибо ея ученики еще не вышли изъ воли родителей.

Въ помянутой раскольниковъ деревнѣ (отстоящей отъ Татева въ 18 верстахъ) я устроилъ особую школу, въ которую раскольники охотно посылаютъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Но она существуетъ лишь вторую зиму.

Вы видите, что съ дубликою мнѣ пока бесѣдовать не о чемъ. Но Вамъ я охотно сообщу тѣ немногія наблюденія, которыя доставила мнѣ моя школьная дѣятельность.

Раскольники, съ коими я имѣю дѣло, суть поповцы, приемлющіе Австрійское священство. De jure, они противоокружники (хотя объ Округномъ Посланіи не имѣютъ понятія), ибо имѣютъ попа, поставленнаго Тарасіемъ Калужскимъ. Но фанатизмомъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ старухъ) они не отличаются. Тѣмъ не менѣе, при смѣшанныхъ бракахъ, постоянно перереживаетъ раскольниковъ сторона.

Къ моей школѣ они относятся весьма сочувственно, что я приписываю единственно ея церковному характеру. Они очень цѣнятъ приобретаемое въ ней правильное церковно-славянское чтеніе и знакомство съ церковною службою. Въ прошломъ году ученики Кулаковской школы провели въ Татевѣ, для говнѣнья, первую недѣлю Великаго Поста, — къ нимъ присоединились и ученики-раскольники и присутствовали на всѣхъ службахъ. Нынѣшнюю зиму я даже устроилъ вотъ что: мы отслужили вечерню, въ коей всѣ чтенія были произведены лютеранами и раскольникомъ (между лютеранами, коихъ у насъ много, уже начались обращенія).

Все это звучитъ странно, но едва ли не лишь потому, что въ наше мудре-

ное время странными кажутся вещи самыя естественныя. Русская школа, стремящаяся быть христіанскою, не может не имѣть опредѣленно православнаго характера, ибо христіанства видъ конфессиональныхъ формъ in genus natura не имѣется. Мало того, интересы церковныя становятся въ ней преобладающими и невольно увлекаютъ и учениковъ-иновѣрцевъ. Такъ какъ при этомъ нѣтъ ни тѣни насилія или нетерпимости, а все исходитъ изъ естественнаго православнымъ учителямъ убѣжденія, что православная вѣра есть истинная вѣра христіанская, то родителямъ не на что жаловаться (за извѣтіемъ жидовъ, коихъ я въ школу не допускаю, за что уже два раза подвергался поджогамъ, слава Богу, не удавшимся).

Конечно, все это требуетъ большого вниманія. Нужно жить въ школѣ. Вѣроятно, человѣкъ болѣе опытный и искусный, чѣмъ я, могъ бы достигнуть большихъ результатовъ безъ этого героическаго средства; но я иного не придумалъ, и поэтому рекомендовать не могу.

Вообще, Татевская школа есть нѣчто столь исключительное, даже неправдоподобное, что братъ съ нею примѣръ я бы никому не посоветовалъ. Рядомъ со мною теперь слагается нѣчто, что, надѣюсь, будетъ лучше. Мою Глуховскую школу взялъ въ свое завѣдываніе Горбовъ, поселился въ ней и, умудренный моими многочисленными ошибками, Богъ дастъ, поведетъ дѣло успѣшнѣе меня *).

Да хранить Васъ Богъ!

Остаюсь душевно Вамъ преданный
С. Рачинскій».

Въ «Братскомъ Словѣ» за вторую половину 1884 и первую 1885 гг.

*) Надежда С. А. Рачинскаго не оправдалась; а то, что онъ пишетъ здѣсь, служить только свидѣтельствомъ его безпримѣрной скромности.

печатались мои «Отвѣты на пять вопросовъ, поданныхъ старообрядцами бывшему іеромонаху Пафнутію» *) и о. Павла «Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ» **). Когда то и другое сочиненіе выплыло отдѣльно, я послалъ ихъ Сергію Александровичу и затѣмъ получилъ отъ него слѣдующее—

Двѣнадцатое письмо.

Татев. 31 мая (1885 г.).

«Не знаю, какъ благодарить Васъ за Вашу память обо мнѣ, за Ваши драгоценныя присылки. То состояніе негодности, въ которое привела меня болѣзнь, заставляетъ меня цѣнить вдвойнѣ незаслуженное баловство, коимъ продолжаютъ утѣшать и ободрять меня друзья (простите это самонадѣянное выраженіе).

Съ наслажденіемъ перечиталъ я «Краткія извѣстія о расколѣ» о. Павла и Ваши отвѣты на вопросы Пафнутія въ полномъ ихъ составѣ.

Выписываю то и другое для раздачи сосѣднимъ батюшкамъ: авось хоть нѣкоторые изъ нихъ прочтутъ—и проснутся.

Пока не могу похвалиться моею дѣятельностію по части раскола (существующаго, впрочемъ, лишь въ одной деревнѣ нашего прихода). Куда какъ легче обращаться лютеранъ! Правда, я избралъ путь самый медленный, но, по крайнему моему разумѣнію, единственный мнѣ доступный. Школа, введенная мною въ сказанной деревнѣ, идетъ хорошо и, хотя съ колебаніями и перерывами, посѣщается раскольниками. Нынче былъ первый выпускъ

*) Объ этомъ сочиненіи см. въ книжкѣ «Пятнадцатъ лѣтъ служенія церкви», стр. 322, 325, 336, 339—340, 345—346.

**) О составленіи этихъ «Отвѣтовъ» подробную переписку мою съ о. Павломъ см. въ той же книжкѣ, стр. 308—333.

и шесть учениковъ получили свидѣтельства. Раскольники наши народъ чрезвычайно темный, — до того, что и службу-то они не могутъ править безъ помощи мальцовъ, учившихся въ мѣстныхъ школахъ, и привязываютъ ихъ къ расколу преимущественно матеріальныя расчеты (поддержка Ржевскихъ противоокружниковъ). На этой почвѣ возможна лишь косвенная борьба — убѣжденіе фактами, что православіе открываетъ пути, загражденные раскольникамъ. Нынѣ уже трое изъ моихъ Кулаковскихъ учениковъ (въ томъ числѣ нашъ Толстой) занимаютъ должность учителей; одинъ (братъ Толстого) воспитывается въ духовномъ училищѣ и, съ Божіею милостію, со временемъ будетъ священникомъ. Эти примѣры не остаются безъ вліянія. Нѣкоторые раскольники (изъ молодыхъ) начинаютъ поговаривать о томъ, что дѣтей нужно воспитывать въ православіи...

Вообще, мнѣ сдается, что упрекать наше духовенство въ несомнѣнной его косности по вопросу о расколѣ мы пока не имѣемъ права. *Громадная доля ответственности лежитъ на насъ, образованныхъ мірянахъ, за легкомысленное, безучастное, злорадное отношеніе къ этому вопросу нашей интеллигенціи.* И такъ во всѣхъ вопросахъ церковныхъ. Духовенство не есть церковь, а только главное орудіе, — и церковь-то у насъ слаба. Правда, замѣтны слабыя симптомы поворота къ лучшему; но, быть можетъ, радоваться еще преждевременно *).

*) Достоинъ особаго вниманія этотъ справедливый отзывъ С. А. Рачинскаго о «легкомысленномъ, безучастномъ, злорадномъ» отношеніи нашей «интеллигенціи» къ церковнымъ вопросамъ вообще и къ расколу въ частности. Справедливо упоминалъ онъ и о «симптомахъ поворота къ лучшему», явившихся въ незабвенное царствованіе величайшаго изъ русскихъ царей — императора Александра III, и еще справедливѣе замѣтилъ, что радоваться имъ было «преждевременно». Въ послѣдніе годы своей жизни съ великой скорбію былъ и онъ свидѣтелемъ, до какихъ печальныхъ

Придаю особое значеніе книжкѣ о Павла. Для людей, подобно мнѣ (и, прибавлю, для всѣхъ нашихъ сельскихъ священниковъ), знакомыхъ съ расколомъ лишь поверхностно, но имѣющихъ нужду ознакомиться съ нимъ поближе, такой краткій и ясный обзоръ совершенно необходимъ для полнаго пониманія сообщеній болѣе специальныхъ, для оцѣнки явленій, съ которыми сталкиваешься на практикѣ... *)

Съ самаго троицына дня и по 1-е іюня возложилъ на себя абсолютное бездѣйствіе: позирую для моихъ живописцевъ (ихъ у меня четыре), толкую съ ними, читаю имъ вслухъ — и отдыхъ замѣтно восстанавливаетъ мои силы. Титъ Никоновъ написалъ съ меня портретъ положительно хорошій. Это неожиданное появленіе между моими учениками несомнѣнныхъ художественныхъ талантовъ — особая милость Божія. Оно придаетъ моей жизни тотъ праздничный элементъ, безъ котораго, въ концѣ концовъ, не проживешь **).

Да хранить Васъ Богъ! Еще разъ благодарю Васъ отъ души

Преданный Вамъ С. Рачинскій».

крайностей дошла наша «интеллигенція» въ своихъ анти-церковныхъ, даже антихристіанскихъ вождѣніяхъ. Достаточно припомнить хотя бы инцидентъ на Орловскомъ създѣ миссіонеровъ, гдѣ преждеводитель дворянства, явившійся истымъ представителемъ сей интеллигенціи, потребовалъ совершенной «свободы совѣсти»; точнѣе — свободы существованія и распространія всяческихъ лжеученій.

*) Удивительно вѣрное въ краткихъ словахъ опредѣленіе дѣйствительнаго значенія и истинной дѣли прекрасной книжки о Павла, долженствующей быть настольною у всякаго, интересующагося расколомъ.

**) Очень понятно, что С. А. Рачинскій, самъ такъ поэтически описывавшій природу въ своихъ ученыхъ статьяхъ по ботаникѣ, радостался и видѣлъ особую къ себѣ милость Божію, когда открылъ въ нѣкоторыхъ своихъ ученикахъ «художественный талантъ» къ живописи, и изъ трогательныхъ словъ его письма можно видѣть, сколько утѣшенія доставили ему на закатѣ его жизни художественныя созданія одного изъ нихъ, Н. П. Богданова-Бѣльскаго, такъ блистательно оправдавшаго его надежды. Т. Никоновъ названъ въ письмѣ потому, что, посѣщая своего товарища — Толстого, онъ бывалъ у меня въ Посадѣ.

Тринадцатое письмо.

Татево. 24 марта (1884 г.).

«Высокоуважаемый Николай Ивановичъ.

Цѣлый вѣкъ не писалъ я къ Вамъ за разными недугами, хлопотами и заботами.

Нынѣ обращаюсь къ Вамъ съ вопросомъ, который я безъ посторонней помощи разрѣшить не могу. Отвѣтъ не къ спѣху. Вы дадите его, когда на то у Васъ найдется досугъ. Вопросъ этотъ обличить предъ Вами мое крайнее невѣжество. Но это меня не страшитъ. Къ этой немощи нѣтъ людей болѣе снисходительныхъ, чѣмъ много знающіе

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Архимандритъ Зилантова монастыря Сергій, въ интереснѣйшей статьѣ, напечатанной въ №№ 6 и 7 «Извѣстій по Казанской епархіи» за 1883 г., излагаетъ порядокъ, коимъ могли бы быть совершаемы въ деревняхъ, удаленныхъ отъ церквей, великопостныя службы, со включеніемъ даже литургіи преждеосвященныхъ Даровъ*). Изъ пред-

*) Въ статьѣ, такъ заинтересовавшей С. А. Рачинскаго, архимандритъ Зилантова монастыря Сергій, изобразивъ покойному Казанскому архіепископу Антонію неудобства, какимъ подвергаются крестьяне, собираясь многочисленными толпами въ село для исполненія долга исповѣди и причастія Святыхъ Таинъ, и послѣдствія сихъ неудобствъ, предлагаетъ ему проектъ, какъ бы, по его мнѣнію, можно было исполнить сельскому священнику сію пастырскую обязанность. По сему проекту причтъ сельской церкви совершаетъ священнослуженіе въ сей церкви только въ теченіе 1-й недѣли, съ понедѣльника же второй недѣли и въ послѣдующія недѣли совершаетъ служеніе по очереди въ деревняхъ, при чемъ дѣло раздѣляется между членами причта, въ одномъ домѣ поселяется и служитъ самъ священникъ, въ другомъ діаконы, въ третьемъ причетникъ, и крестьяне, по удобству, распредѣляются между сими домами. При этомъ одновременно вычитываются всѣ положенныя службы и читаются принаровленные къ нимъ поученія; въ послѣдніе дни совершается исповѣдь священникомъ и наконецъ въ домѣ, занимаемомъ имъ, совершается въ подобающей обстановкѣ литургія преждеосвященныхъ Даровъ и исповѣдавшіеся сподобляются причащенія Святыхъ Таинъ. Въ субботу и воскресеніе каждой недѣли, равно какъ и въ страстную седмицу

ложеній его явствуетъ, что всѣ службы, не заключающія въ себѣ таинства, могутъ быть совершаемы, съ благословенія священника, діакономъ и даже причетникомъ (конечно, *mutatis mutandis*). Всѣ священники, къ коимъ я обращался за разъясненіемъ этого вопроса, упорно отрицаютъ допустимость такихъ службъ. Но правы, очевидно, не они, а архимандритъ Сергій. Это доказывается исторіею возникновенія всѣхъ нашихъ монастырей и существованіемъ у раскольниковъ устава, быть можетъ искаженнаго, но несомнѣнно древняго, по коему всѣ сіи службы совершаются лицами, не имѣющими священнаго сана.

Гдѣ найти этотъ уставъ? Не тяготитъ ли надъ употребленіемъ его какое-либо запрещеніе, или ограниченіе *)? Ибо ясно, что молитвенное послѣдованіе, которое можетъ быть совершено причетникомъ, можетъ быть совершено и всякимъ міряниномъ... Въ книгахъ богослужебныхъ, сколько мнѣ извѣстно, выраженіе: *аще не іерей*, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ возгласа, встрѣчается только при послѣдованіи молитвъ на сонъ грядущимъ (Мѣсяцесловъ и Псалтирь слѣдованная).

Вопросъ этотъ имѣетъ громадную практическую важность. Приходы наши такъ обширны, потребность въ общемъ

совершается священнослуженіе въ сельской церкви. Проектъ этотъ оставленъ безъ послѣдствій. *Ред.*

*) Особого устава на совершеніе церковныхъ службъ лицами, не имѣющими священнаго сана, нѣтъ. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церкви, устроятся особыя молитвенныя зданія такъ называемыя часовни, въ которыхъ могутъ быть совершаемы церковныя службы, кромѣ литургіи, членами причта во главѣ со священникомъ. Совершеніе сихъ службъ, по нуждѣ, дозволяется и діаконы, но съ нѣкоторыми ограниченіями, на примѣръ, онъ безъ іерея не облачается въ священныя одежды, не можетъ совершать кажденія, не произносить ектеній. Всѣ службы, совершаемыя въ часовняхъ безъ іерея, состоятъ изъ чтенія и пѣнія молитвословій и пѣнопѣній на подобіе часовъ, отъ службъ которыхъ произошло и названіе часовень (ст. о Часовникѣ прог. К. Никольскаго въ «Церк. Вѣдом.» за 1889 г. № 10 и 11). *Ред.*

моленіи, по чину и уставу, такъ сильна, посѣщеніе нашихъ священниковъ обходится такъ дорого, службы нашими причтами совершаются столь небрежно, что возможность учащенія, распространенія, истоваго исполненія подобныхъ моленій была бы великимъ благодѣяніемъ для церкви. Едва ли ошибаюсь, видя въ возможности совершенія подобныхъ службъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, одну изъ притягательныхъ силъ раскола *).

Представьте себѣ деревню, отстоящую отъ церкви на 20 версть (такіе случаи сплошь да рядомъ встрѣчаются въ губерніяхъ подмосковныхъ; а то ли еще на нашемъ сѣверѣ!), — деревню, при коей устроить особый приходъ по рѣдкости населенія не возможно. Часто ли жители этой деревни присутствуютъ при божественной службѣ? Раза два—три въ годъ: при говѣннѣ, въ свѣтлый праздникъ, и только.

Представьте себѣ теперь въ этой деревнѣ школу и подъ одною съ нею крышею обширную, благообразную часовню, и при школѣ учителя, знакомаго съ уставомъ церковнымъ, способнаго образовывать изъ своихъ учениковъ хорошихъ чтецовъ и приличныхъ пѣвцовъ. Тутъ были бы соединены всѣ элементы для благообразнаго исполненія всѣхъ службъ, изложенныхъ въ Часословѣ, если только предположеніе мое не ошибочно и существуетъ уставъ, по коему службы эти могутъ быть совершены безъ участія іерея **).

*) Замѣчаніе вполне справедливое.

**) Для восполненія нужды, заявленной высокочтимымъ авторомъ письма, при многихъ церковно-приходскихъ школахъ въ настоящее время устроены церкви, такъ-называемыя церкви-школы: въ нихъ совершаются учащими и учащимися утреннія и вечернія молитвы. Но развѣ—богослуженіе выходитъ за предѣлы келейнаго правила, необходимо участіе клира церковнаго. Требуется ограниченія та мысль досточтимаго автора, что совершаемое причетникомъ можетъ быть совершено и всякимъ міряниномъ, иначе къ чему бы служило и посвященіе во чтеца и пѣвца, совершаемое епископомъ. *Ред.*

Нисколько не настаиваю на своевременности разрѣшенія подобныхъ службъ всѣмъ безъ изъятія мірянамъ. Разрѣшеніе пока могло бы быть даваемо по усмотрѣнію епископовъ, сопряжено съ посвященіемъ въ стихарь. Но правъ ли я въ теоріи?

Долженъ Вамъ сознаться, что нынѣ, шнею зимою былъ мною произведенъ небольшой опытъ, укрѣпившій меня въ моихъ мысляхъ. Читая съ ребятами Часословъ, я все болѣе плѣнялся высокою красотою, строгимъ величіемъ «Полунощницы» *). Между тѣмъ въ церквахъ мнѣ не случалось слышать исполненія этой службы иначе, какъ съ невразумительною скороговоркою. И вотъ мы, съ разрѣшенія батюшки, стали служить по вечерамъ, послѣ ужина и вечернихъ молитвъ—Полунощницу съ пѣніемъ тропарей и тщательно подготовленнымъ чтеніемъ. Впечатлѣніе получилось умиленное и величественное; но я не убѣжденъ, чтобы мы поступали строго по чину, и поэтому моленія эти совершались совершенно келейно...

Вопросъ, предлагаемый мною, разумѣется, не требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Простите великодушно, что утруждаю имъ Васъ, столь обремененнаго трудами. Но кромѣ Васъ, не придумалъ къ кому-бы обратиться **).

*) Блестящій, всесторонне образованный профессоръ университета, читающій съ ребятами Часословъ и плѣняющійся красотою Полунощницы— не есть ли это и въ самомъ дѣлѣ безпримѣрное и вмѣстѣ поучительнѣйшее явленіе среди нашей интеллигенціи и въ наши дни? Вотъ достойный сюжетъ для картины Богданова-Бѣльскаго!

**) Я же „придумалъ“ обратиться къ человѣку, особенно близко знакомому съ предложеннымъ вопросомъ,—полживни упражнявшемуся въ служеніяхъ „безъ іерея“—къ о. Павлу, и отвѣтъ его сообщилъ Сергѣю Александровичу. Онъ напечатанъ въ моей перепискѣ съ о. Павломъ (см. кн. «Еще пятнадцать лѣтъ»... стр. 412—414).

Вотъ какой отвѣтъ дается о. архимандритомъ Павломъ:

«Въ Уставѣ, напечатанномъ по благословенію Святѣйшаго Синода въ Москвѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1876-е, читаемъ о средѣ

Да хранить Васъ Богъ!

Остаюсь глубоко Васъ уважающій и искренно Вамъ преданный С. Рачинскій».

Четырнадцатое письмо.

Татево, 2 іюля (1857 г.).

«Высокоуважаемый Николай Иванович.

Дорогой питомецъ мой Егоръ Толстой сообщилъ мнѣ о возможности своего вступленія въ клиръ, въ качествѣ діакона при церкви Дома Призрѣнія. Это было бы, за текущій годъ, третьимъ случаемъ этого рода. Съ новаго года уже двое моихъ учениковъ-учителей удостоились діаконскаго сана.

По истинѣ, мы не вѣдаемъ, что творимъ, Богъ-же все устрояетъ къ лучшему. Съ самаго начала моей дѣятельности, я постоянно старался укрѣплять

и развивать въ крестьянскихъ мальчишкахъ, приготовляемыхъ мною къ учительской должности, *тотъ духъ церковности, который, слава Богу, живъ до сихъ поръ въ добрыхъ крестьянскихъ семьяхъ и въ коемъ я видѣлъ твердую почву для дальнѣйшаго образованія моихъ питомцевъ*. Въ то же время я постоянно тревожился мыслію, что отрываю отъ сохи этихъ ребятъ для дѣла, правда, необходимаго и святаго, но малоприбыльнаго и труднаго, для положенія безысходнаго по своей матеріальной и нравственной обстановкѣ, затрудняющей бракъ, ибо вознагражденіе за учительство вообще скудно и общественное положеніе учителя изъ крестьянъ весьма неопредѣленно.

И вотъ, для лучшихъ изъ моихъ учениковъ всѣ затрудненія разрѣшаются способомъ, для меня неожиданнымъ.

пятой недѣли Великаго поста: «Повечеріе же поемъ малое *въ кельяхъ* безъ поклоновъ, такожде и полунощницу». Той же пятой недѣли поста въ пятокъ: «Повечеріе же малое и полунощницу *поемъ въ кельяхъ*». Въ Великую среду: «Вѣдомо буди, яко отъ сего святаго дня полунощница (во обителяхъ) *не поется въ церкви*; въ соборныхъ же храмахъ и мірскихъ поютъ въ церкви». Сильмъ уставомъ повелѣвается повечеріе и полунощницу пѣть въ кельяхъ, значить безъ іерея.

«А въ Псалтыряхъ съ воспѣваніемъ, напечатанныхъ при первыхъ пяти патріархахъ, положенъ уставъ: «како несвященному иноку начати полунощницу и опустити». «Указано и то, какъ «простолюдину (въ отсутствіи іерея) въ кельѣ сотворити отпустъ повечерія», именно, вмѣсто: *Благословенъ Богъ нашъ* глаголати: *Молитвами святыхъ отецъ нашихъ...*, на отпустъ вмѣсто: *Христосъ истинный Богъ нашъ*, глаголати: *Господи Исусе Христе* и проч.; вмѣсто ектеніи: *помолимся о державномъ...* глаголати: *Венювидящихъ и обидящихъ* и проч. Также и на утрени, по шестопсалмн (въ отсутствіи іерея) и нади наединѣ вмѣсто ектеніи показано глаголати: *Господи помилуй 12*.

«Еще яснѣе уставъ о вечернѣ: Аще наединѣ въ келліи, начинается сице: *За молитвы Пречистыя Тѣ Матере и всѣхъ святыхъ Господи Исусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь*. Послѣ псалма *Благослови, душе моя, Господа: «Слава и нынѣ, аллилуіа трижды*, аще наединѣ, глаголетъ вмѣсто ектеніи *Господи помилуй 12, слава и нынѣ*.

«Этими уставами ясно показывается, что усердные къ молитвѣ міряне, въ удаленіи отъ

церкви, или по невозможности быть въ церкви (но не по возношенію надъ священными лицами), могутъ у себя въ домѣ, какъ и монахи въ кельѣ, наединѣ или съ своимъ семействомъ совершать и безъ священника вечерню, полунощницу, утрени и часы. Но только, по сѣмъ уставамъ, на утрени предъ Евангеліемъ прокимновъ и *Всякое дысаніе* не пѣть и самое Евангеліе не читать; также на часахъ, къ *Честнѣйшую херувимъ* не должно говорить: *Именемъ Господнимъ благослови, отче*, но самъ чтець глаголетъ: *Молитвами святыхъ отецъ...* Также и въ началѣ всякой службы, чтець, хотяи чести *Царю небесный*, самъ благоговѣнно начинаеть: *Молитвами святыхъ отецъ нашихъ...*

«По моему мнѣнію, таковымъ уставомъ всякій для себя или со своимъ семействомъ, по случаю обстоятельствъ и за невозможностью быть на церковной службѣ, можетъ совершать служебное правило. А чтобы совершать таковыя службы соборно, т.-е. многолюднымъ соборіемъ, предварительно испросивъ на то благословеніе у священника, это едва ли можно, и священникъ дать такое благословеніе не имѣетъ права, ибо и самъ іерей, кромѣ случайныхъ всенощныхъ, совершать въ какомъ-либо мѣстѣ всегдашнее богослуженіе (по шестому правилу иже въ Гантрѣ собора) права не имѣетъ, а кольми паче инымъ дать на то благословеніе. Но еслибы мѣстный архіерей, по соображеніи обстоятельствъ, нашелъ полезными гдѣ-либо такія служенія и далъ свое разрѣшеніе и благословеніе на совершеніе оныхъ, тогда и не въ присутствіи іерея отправлять службы по указанному уставу было бы удобно и полезно, особенно во удаленныхъ отъ церкви мѣстахъ».

Остается мнѣ благодарить Бога и готовить себѣ новыхъ помощниковъ, что, впрочемъ, съ лѣтами и постепеннымъ разстройствомъ моего здоровья, становится годъ отъ году труднѣе.

Что касается собственно Толстого, то сочту величайшимъ счастьемъ и для себя, если онъ удостоится диаконскаго сана. Правда, онъ оставляетъ желать многого относительно церковныхъ умѣній и знаній, но душа въ немъ чистая и сердце доброе; есть въ немъ и благоговѣніе къ святинѣмъ и сознание своего недостойнства. Онъ добросовѣстно постарается приобрести ему недостающее. Бракъ, духовное званіе, самая ярая ограда отъ многихъ искушеній, неизбѣжныхъ въ его лѣта.

Этимъ счастьемъ, если оно сбудется, онъ будетъ обязанъ Вамъ *). Я же уже нынѣ приношу Вамъ глубочайшую мою благодарность за то, что Вы въ этомъ дѣлѣ протянули ему руку помощи.

Да хранить Васъ Богъ!

Остаюсь на вѣки обязанный Вамъ и благодарный *С. Рачинскій*.

Пятнадцатое письмо.

Татеву, 11 марта (1888 г.).

«Высокоуважаемый Николай Ивановичъ.

Письмо Ваше дошло до Татева во время краткой отлучки моей въ Петербургъ и Москву, и поэтому я поневолѣ замедлил отвѣтомъ.

Отъ всей души радуюсь распространенію трезвости между новообращенными изъ раскольниковъ **). Смѣю думать, что явленіе это будетъ способствовать доброй славѣ этихъ новыхъ

братій нашихъ въ средѣ окружающихъ ихъ раскольниковъ. Не придаю чрезмѣрнаго значенія проповѣдуемой мною *абсолютной* трезвости,—знаю, что это въ нѣкоторомъ смыслѣ крайность. Но горькій опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что пока у насъ нѣтъ иного средства для борьбы съ несравненно худшимъ зломъ—чудовищнымъ пьянствомъ. Къ тому же въ рукахъ всякаго разумнаго дѣятеля орудіе это становится могучимъ средствомъ духовнаго просвѣщенія, общаго нравственнаго подъема. А какъ нужно и то и другое въ средѣ православныхъ простецовъ, въ виду неустанной работы сектантовъ и стараго и новаго пошпа!

Съ Юшковымъ я состою въ перепискѣ, но уже давно не получалъ отъ него писемъ, и поэтому мнѣ было особенно отрадно получить о немъ отъ Васъ столь добрыя вѣсти.

Дай Богъ Вамъ силъ на продолженіе Вашего прекраснаго изданія, за присылку коего не могу достаточно Васъ благодарить.

Что касается до меня, то физическія силы мнѣ измѣняются. Скоро, очень скоро придется мнѣ отказаться отъ жизни въ школѣ, которая по моимъ недугамъ становится невозможною. Придется сокращать и размѣры моего учительства. Но намѣреваюсь, пока я живъ, дѣлать по этой части, что могу.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь преданный Вамъ *С. Рачинскій*».

Послѣднее, *шестнадцатое*, письмо ко мнѣ С. А. Рачинскаго было писано уже въ девяностыхъ годахъ и напечатать его теперь еще неудобно. Приведу только послѣднія слова этого письма, дорогаго мнѣ особенно потому, что оно было послѣднее:

«Благодарю Васъ за память обо мнѣ. Моя пѣсенка слѣта. Тяжкіе недуги не позволяютъ мнѣ болѣе учить. Остаюсь по мѣрѣ силъ руководить трудами

*) Е. А. Толстой посвященъ въ діаконы 13-го ноября 1887 г.

**) Зная, какъ интересовался С. А. Рачинскій обществами трезвости, я сообщилъ ему полученныя мною отъ одного изъ присоединившихся въ церкви старообрядцевъ (г. Юшкова) свидѣнія объ успехахъ такого общества, заведеннаго имъ въ своей мѣстности (на Уралѣ).

моихъ учениковъ. Да хранить Васъ Богъ!»!

Та скромная пѣснь, которую пѣлъ онъ въ сельской тиши,—пѣснь любви къ православной церкви и русскому народу, самоотверженнаго служенія образованію этого народа, теперь дѣйствительно спѣта и умолкла. Но звукъ ея останется навсегда въ благодарномъ русскомъ народѣ, будетъ слышатся доголѣ, пока будетъ существовать у насъ основанная на твердыхъ церковныхъ началахъ народная школа, въ восстановителемъ которой слѣдуетъ признать его по всей справедливости. А школа эта, будемъ надѣяться, никогда уже не перестанетъ существовать у насъ, несмотря на всю вражду къ ней ревнителей «лаической» школы, ибо уповаемъ, что милосердый Господь, спасшій святую Русь отъ столькихъ вражескихъ нашествій, *отгонитъ* отъ нея и *належащій* нынѣ *облакъ языковъ*.

Н. Субботинъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Посѣщеніе Ихъ Величествами Херсонеса.

18-го сентября Херсонесскую обитель удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества и Великій Князь Михайлъ Николаевичъ.

Въ притворѣ Владимірскаго собора Ихъ Величества встрѣтили преосвященный Николай, епископъ Таврическій, съ настоятелемъ Херсонесскаго монастыря епископомъ Иннокентіемъ и епископомъ Антоніемъ, живущимъ на покоѣ въ Донскомъ Московскомъ монастырѣ, братіей монастыря и бѣлымъ духовенствомъ церкви г. Севастополя. Ихъ Величества приложились ко кресту и вступили въ храмъ, полъ котораго былъ усыпанъ травой и цвѣтами. Епископъ Николай привѣтство-

валъ Ихъ Величество слѣдующимъ словомъ:

«Ваши Императорскія Величества, Благочестивѣйшій Государь и Благочестивѣйшая Государыня! Какъ и всѣ вѣрноподанные Ваши—и всегда, такъ и мы, насельники здѣшней святой обители, и представители всего духовенства Таврической епархіи, съ искренней радостью срѣтаемъ Васъ въ семъ святомъ храмѣ, съ нелицемѣрною любовью привѣтствуемъ Васъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ предѣлы нашей епархіи и молитвенно желаемъ Вамъ всѣхъ благъ—небесныхъ и земныхъ, наипаче же—здравія, мира душевнаго и радости о Дусѣ Святѣ! Земно кланяемся Вамъ и отъ всего сердца благодаримъ Васъ за Ваше вниманіе къ пустынножительству нашему, а еще болѣе за Ваши милости, какія вы всегда являли, и въ послѣднее время съ особенной щедростью проявили къ бѣлому нашему духовенству дарованіемъ новаго пенсіоннаго устава. Вѣрьте, Государь, что эта милость Ваша отреть не одну слезу съ глазъ сиротствующаго духовенства и много-много приобрѣтетъ Вамъ горячихъ молитвенниковъ не только въ настоящемъ, но и въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Въ знакъ нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и сердечной благодарности къ Вамъ, Благочестивѣйшій Государь и Благочестивѣйшая Государыня, приносимъ Вамъ образъ святителя Николая, покровителя и заступника всѣхъ, съ вѣрою къ нему притекающихъ, а также и образъ седми священно-мучениковъ Херсонесскихъ, небесныхъ покровителей святой обители сей и всей страны Таврическія! Молитвами сихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя всероссійскаго, который здѣсь крестился, да сохранитъ Господь вхожденіе Ваше